

Е. Г. Задворная (МГЛУ, Минск, Беларусь)

СПЕЦИФИКА ТАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

Понятия коммуникативной стратегии и тактики уже достаточно давно заняли важное место среди наиболее обсуждаемых феноменов, изучаемых современной лингвистикой. Специалистами в области лингвопрагматики предложены десятки определений стратегии и тактики, разработано множество концепций их соотношения (ср., в частности, двухуровневые и трехуровневые модели, дополняющие диаду «стратегия–тактика» понятием коммуникативного/речевого хода), активно обсуждаются коммуникативный и когнитивный подходы к их интерпретации, проблемы классификации стратегий и т.д.

В силу сложности данного проблемного поля в нем сохраняются некоторые исследовательские лакуны. Одной из таких лакун, не только интересных, но и весьма перспективных для дальнейшей разработки, представляется специфика вариативности тактической разработанности стратегии, обусловленная характеристиками той дискурсивной сферы, в которой эта стратегия реализуется. Иными словами, вопрос целесообразно поставить следующим образом: насколько состав тактик, способных представлять ту или иную стратегию, и их семантико-прагматическая реализация видоизменяются в зависимости от того, в рамках какого дискурса манифестирована соответствующая стратегия.

В современной лингвистике представлены два – впрочем, не вполне четко артикулируемых – подхода к решению этой проблемы.

В соответствии с первым подходом коммуникативные стратегии исследуются безотносительно к определенным дискурсивным практикам: или исследователем имплицитно допускается, что стратегия располагает определенным тактическим потенциалом, который в принципе так или иначе может быть реализован в любом типе общения (при этом речь идет о достаточно универсальных стратегиях, представленных в различных сферах коммуникации), либо выявление дискурсивных различий не включается в круг сформулированных автором задач.

В принципе такой подход к исследованию ключевых категорий лингвопрагматики имеет весьма авторитетную традицию. В этом плане характерно эксплицитное и даже программное декларирование универсальности когнитивных процессов и прагматических правил в работах Т. А. ван Дейка и В. Кинча, которые в своем анализе стратегий интерпретации текста исходили из открыто заявленной презумпции единообразия протекания соответствующих когнитивных процессов при чтении газетной заметки и «Войны и мира» [1]; а если разумно постулировать идентичность стратегий интерпретационного типа, то можно исходить и из единообразия стратегий речепорождения.

В рамках второго подхода исследователи (даже не прибегая к специальной рефлексии по данному вопросу, или, по крайней мере, эту рефлексию не эксплицируя) исходят из презумпции различий в тактическом диапазоне конкретных стратегий и четко фиксируют систему дискурсивных координат. В некоторых, условно говоря, «промежуточных» случаях исследователи фиксируют тип дискурса, в рамках которого анализируются те или иные стратегии, но не оговаривают при этом свое мнение насчет возможного модифицирующего воздействия на особенности реализации стратегии соответствующей дискурсивной сферы (что в случае «монодискурсивного» анализа является вполне приемлемым решением).

На наш взгляд, более предпочтительным является второе решение: как представляется, четкая фиксация специфики типа дискурса является одним из важнейших факторов корректной интерпретации стратегий, что мы и продемонстрируем на материале анализа некоторых стратегий, представленных как в институциональных, так и в личностно-ориентированных разновидностях дискурсивных практик.

1. Идиосинкратичность дискурса по отношению к определенным стратегиям.

Под *идиосинкратичностью* здесь понимается неприемлемость определенных типов коммуникативных действий, т.е. их «отторжение» в силу определенных характеристик той или иной дискурсивной сферы.

Обратимся, например, к коммуникативным стратегиям утешения, обвинения, самооправдания и жалобы.

Эти стратегии широко востребованы в обыденно-разговорной коммуникации, где они отличаются не только полной свободой манифестации, но и широким диапазоном тактических реализаций. Так, например, для русской коммуникативной культуры исследователи насчитывают около десяти тактик утешения (ссылка на незначительность несчастья, ссылка на временный характер несчастья, апелляция к универсальному характеру проблемы, общий призыв к оптимизму, указание на полезность несчастья, ссылка на христианские ценности и т. п.) (см. работы Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, А. О. Ханского и др.).

В то же время научная коммуникация демонстрирует почти полное (о некоторых исключениях см. ниже) отсутствие названных стратегий, причем на наш взгляд, причиной их блокировки в научном дискурсе является не только и столько институциональный характер последнего, сколько его подчеркнутая, акцентированная рационалистичность и объективность. Свидетельством в пользу последнего объяснения является тот факт, что в таком очевидно институциональном типе общения, как политическая коммуникация, стратегии обвинения и самооправдания не только возможны, но и вполне типичны. В то же время политический дискурс демонстрирует неприемлемость по отношению к стратегиям жалобы и утешения, что является следствием недопустимости игнорирования стратегии позитивной самопрезентации (а жалобы и утешения являются атрибутами коммуникатив-

ного поведения в тех сферах общения, где допустимы и естественны проявления слабости и позитивного или, по крайней мере, снисходительного отношения к таким проявлениям).

Таким образом, важно подчеркнуть, что не только сам факт неприемлемости в научном и политическом дискурсах стратегий жалобы и утешения, но и то обстоятельство, что эта неприемлемость имеет различную прагматическую природу (если научный дискурс идиосинкратичен по отношению к названным стратегиям в силу рационального характера, то политический – в силу значимости стратегии позитивной самопрезентации, но никак не в силу эмоциональности и/или экспрессивности соответствующих речевых действий) – именно эти характеристики выступают в роли фильтров применительно к политическому дискурсу с его агональностью, персуазивностью и театральностью (см. подробнее [2]) не могут.

При анализе данной особенности стратегической организации дискурса важно учитывать, что лингвопрагматические тенденции не имеют статуса жестких законов и, соответственно, «стратегическая идиосинкратичность» не может носить абсолютного характера. Иными словами, любое из названных речевых действий в принципе может быть реализовано в любой дискурсивной сфере, но такая не вполне стандартная реализация предполагает либо актуализацию специфических факторов коммуникативно-прагматического контекста, либо определенные семантико-прагматические модификации, которым подвергается та или иная стратегия в силовом поле дискурсивной сферы.

В этом плане симптоматично использование в научном дискурсе высказываний, которые по формальным признакам (а именно в силу эксплицитного использования соответствующего иллокутивного глагола или его производных) могут быть интерпретированы как самооправдание, обвинение и жалоба.

Рассмотрим случаи самооправдания:

*Я, честно говоря, несколько смущен оказанной мне честью. Потому что с такими лекциями должны выступать действующие ученые. Я, как уже было сказано, научный журналист, хотя и со вполне научным образованием. Я немножко **оправдываю себя** в своих глазах тем, что позиция внешнего наблюдателя по отношению к науке имеет некоторые преимущества. Кое-что лучше видно снаружи, чем изнутри. Может быть об этом немного и поговорим, применительно к такой замечательной теме, как этология человека [3];*

Признаюсь, мне всегда трудно начинать публичные выступления. Опытные докладчики, прежде чем перейти к содержательной части, стараются продемонстрировать публике дистанцию между «собой как человеком» и «собой как лектором»... Ирвинг Гофман когда-то выделил несколько способов такого дистанцирования от себя самого. Лучшее всего работает шутка. Ирония и особенно самоирония – беспроигрышный вариант. Если не хватает мужества на самоиронию, можно попробовать

сарказм. Те же, кто не способен даже на сарказм, прибегают к **оправданию**. (**Оправдание**, как правило, носит форму ответа на вопрос: «Если ты такой умный, почему ты выбрал такую тему?») Это мой случай. С вашего позволения, я сразу начну [4].

Нетрудно заметить, что приведенные случаи самооправдания имеют ритуальный, этикетный характер, призванный не столько осуществить подлинное, прототипическое самооправдание, предполагающее признание некоей вины (Борис Жуков несколько не виноват, и не может быть виноват в том, что он является научным журналистом, а Виктор Вахштайн несколько не виноват, и не может быть виноват в том, что его пригласили читать публичную лекцию), сколько реализовать принцип вежливости, презентовать себя как человека скромного и отдающего себе отчет в некоторой ограниченности своего видения обсуждаемых проблем (пример 1), способного к самоиронии (контекст 2) и тем самым умеющего установить контакт с аудиторией. При этом в обоих случаях самооправдание эксплицировано во вводной части лекции и связано не с содержательной стороной обсуждаемых в ходе научного диалога положений, а с прагматическим контекстом, ситуацией их дальнейшего обсуждения и представлено не на коммуникативном а на метакоммуникативном, т.е. дополнительном, вспомогательном уровне тактико-стратегической организации дискурса.

Аналогичные модификации претерпевают и такие виды речевых действий, как обвинения, которые оказываются не собственно обвинениями, а указаниями на ошибки, заблуждения оппонента, некорректность каких-либо положений, концепций и т.д., ср.:

*Меня можно **обвинить** в том, что я поставил под вопрос, что такое наука, и перевел это в другую систему определений. Но я просто отступил на шаг назад и сказал, что знание, информация, инновации – это блага [5]* – или жалобы, которые представляют собой не «выражение неудовольствия по поводу каких-нибудь неприятностей, боли» (именно такое определение понятия жалобы предлагается толковыми словарями), а указание на то, что нечто рассматривается говорящим как вызывающее определенные затруднения, ср.:

*Поэтому носители амслена, настоящие глухие, у которых этот язык был родной, **жаловались**, что они не могут понять Уошо, не видят никакой жестовой речи, хотя тренеры-экспериментаторы вполне ее понимали [6].*

2. Набор тактик, реализующих стратегию.

Довольно типичной является ситуация, когда одна и та же стратегия свободно используется в различных дискурсивных сферах, но при этом набор тактик, при помощи которых она реализуется, существенно различается по объему.

Так, в любом типе диалогического дискурса (в научном, политическом, юридическом, медицинском, педагогическом, обыденно-разговорном диалоге) может быть реализована стратегия реагирования на негативнооценочные высказывания собеседника. При этом если в разговорном или политическом диалоге эта стратегия получает весьма вариативное тактическое воплощение (игнорирование негативнооценочной реплики, выражение несогласия,

выражение частичного или полного согласия, самооправдание, метакоммуникативный комментарий, использование юмора/иронии, «отзеркаливание» негативной оценки), то в научном дискурсе спектр соответствующих тактик сужается до двух: в научном диалоге очевидно доминирует игнорирование (реализуемое в двух вариантах: полное игнорирование реплики, содержащей негативную оценку, и игнорирование оценочного компонента при наличии реакции на собственно содержательную часть) и спорадически используется встречная негативная оценка.

Аналогично, стратегия уклонения от ответа на вопрос реализуется в обыденно-разговорном диалоге при помощи полутора десятков тактик, из которых в научном диалоге приемлемыми являются лишь пять-шесть, ср. невозможность (или, по крайней мере, неестественность/нежелательность) использования в научном диалоге, даже полемического характера, таких тактик, как немотивированный отказ от ответа, обыгрывание вопроса, псевдоответ, ответ через намек и др. (см. подробнее [7]).

Таким образом, учет специфики дискурсивной сферы, в рамках которой манифестированы определенные типы речевых действий, позволяет, с одной стороны, уточнить представления об особенностях функционирования той или иной коммуникативной стратегии, а с другой – оценить степень воздействия определенных дискурсивных категорий на тактико-стратегическую организацию конкретных дискурсивных сфер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейк, Т. А. ван Стратегии понимания связного дискурса / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153–211.
2. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
3. Жуков, Б. Б. Этология «голой обезьяны». Стенограмма лекции и ее обсуждения / Б. Б. Жуков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://polit.ru/article/2016/11/19/zhukov_lecture/ – Дата доступа : 11.09.2018.
4. Вахштайн, В. Конец социологизма: перспективы социологии науки. Стенограмма лекции и ее обсуждения / В. Вахштайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.polit.ru/article/2009/08/06/videon_vahshain/. – Дата доступа : 10.06.2017.
5. Александров, Д. А. Ученые без науки. Институциональный анализ сферы. Стенограмма лекции и ее обсуждения / Д. А. Александров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.polit.ru/article/2006/03/06/aleksandrov/>. – Дата доступа : 11.09.2018.
6. Бурлак, С. А. О неизбежности происхождения языка». Стенограмма лекции и ее обсуждения. / С. А. Бурлак [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.polit.ru/lector/burlak/>. – Дата доступа : 11.09.2018.
7. Задворная, Е. Г. Коммуникативные тактики уклонения в научном дискурсе / Е. Г. Задворная // *Respectus philologicus*. – 2006. – № 10 (15). – С. 61–72.